

С. С. НАРОВЧАТОВ

Максимилиан Волошин

На берегу моря стоит каменный дом. От белой полосы прибоя он отделен лишь узкой асфальтовой дорожкой и немногими метрами прибрежной гальки. Памятная доска на стене дома сообщает, что в нем жил Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин.

Дом был выстроен по чертежам самого поэта и полностью отвечал его представлениям о том, как должен жить человек искусства. Просторная и светлая мастерская с высокими окнами на три стороны света: Волошин был не только поэтом, но и художником. Стены мастерской заняты книжными полками: библиотека в несколько тысяч томов. Литература, искусство, история, философия... И — неожиданно — руководство по столярному делу, брошюры по землемерию, гидрологии, штукатурным работам. Но пойдем дальше. В доме хороший рояль, картины известных живописцев, бюст египетской царицы Таиах.

Увенчивает дом вышка для астрономических наблюдений. На ней обычно, под звездным небом, читали друг другу стихи заезжие поэты. А их немало перебывало здесь.

Каждый камень в доме хранит отпечаток замыслов и свершений его создателя. <...>

Необычна была Киммерия, необычен был дом, построенный на ее берегах, необычен был сам хозяин дома. Пышнобородый, с большой шапкой волнистых волос, перетянутых шнурком, в просторной блузе, напоминавшей хитон, в разношенных сандалиях и с узловатой палкой, схожей с посохом, он напоминал древнегреческого философа, на берегах понта Эвксинского размышляющего о судьбах мира.

Он был человеком добрым, с широким и честным сердцем, веселым и простодушным, — людям с ним было легко и просторно. «Дом поэта», как называл он свое жилище, всегда был полон гостей — писателей, художников и артистов. Многие оставались здесь надолго, здесь хорошо думалось и работалось.

Таким рисуют Волошина все воспоминания о нем. Иные говорят о его чужаковости, но чудачества его притягательны и в укор их ему поставить нельзя. Открытый, умный, талантливый человек. Поэзия его в свое время высоко ценилась. Критики отмечали глубину содержания и безукоризненность формы, прекрасный язык и широту дарования.

<...>

Волошин был принципиальным противником насилия, но жил он в обстановке ожесточенной классовой борьбы, требующей от каждого четкого и твердого осознания своего места в ней. Насилие насилию рознь, и руками революции оно открывает дверь в будущее, а руками контрреволюции закрывает эту дверь. Такого разделения ни понять, ни принять Волошин не мог.

<...>

Мистическое восприятие революции отдавало народные судьбы во власть непостижимых сил. В стихах Волошина и речи не было о столкновении враждебных классов — пролетариата и буржуазии. И это при том, что приход не только Февральской, но и Октябрьской революции поэт встретил с нескрываемым воодушевлением. Спустя какие-то две недели после «Демонов глухонемых», в поразительной синхронизации с «Двенадцатью» А. Блока, он пишет стихотворение, посвященное свершающимся событиям:

Ни выхода, ни огня...
 Времен исполнилась мера.
 Отчего же такая вера
 Переполняет меня?
 ...Я вижу в большом и малом
 Водовороты комет...
 Из бездны — со дна паденья
 Благословляю цветенье
 Твое — всестрастной свет!

(«Из бездны»)

Все здесь предельно откровенно. Революция идет неведомыми и непонятными Волошину путями: «для разума нет исхода». Эта непонятность — мистическая, predeterminedенная свыше: свершаемому и надлежит быть непонятым. «Но дух, ему вопреки, И в бездне чует ростки Неведомого всхода». Слова «ему вопреки» относятся к разуму. И так, необъяснимости движения событий соответствует иррациональность их восприятия. Но видимая стихийность революции обладает, как кажется поэту, мистической заданностью, и он верит, что эта заданность предопределяет добрый исход.

Тогдашний читатель, даже не вникая в каждое слово стихотворения, видел, что Волошин встречает словами веры и благословения приход нового строя. Слова несли на себе груз символических образов, восприятие их затруднено общей формой изъяснения, но чувство, стоящее за ними, неподдельно и делает честь поэту. Напомним, что многие его друзья и соратники заняли в то время резко противоположную позицию. С Блоком, написавшим «Двенадцать», перестали здороваться даже близкие люди.

В России началась гражданская война. Крым, а вместе с ним Коктебель, захлестнули ее яростные волны. Дому поэта, по мысли Волошина, надлежало сыграть роль современного ковчега в разбушевавшейся буре. И, как подлинный ковчег, Дом был готов принять в свои стены семь пар чистых и семь пар нечистых. Но кто были чистыми и кто нечистыми? Положение новоявленного Ноя было едва ли не труднее, чем у легендарного.

Волошин отвергал революционное насилие. Естественно, отвергал он и контрреволюционный террор. Насильственный метод борьбы он считал неприемлемым в принципе, независимо от того, какая сторона и с какой целью его применяла.

Такой взгляд приводил его к неверным оценкам происходящего, а отсутствие четких классовых критериев обуславливало ложную трактовку ряда событий современности. Восприятие революции в волошинских стихах того времени часто опосредствованное. Он воссоздает в своей поэтической памяти Смутное время, раскол, разинское восстание, эпохи народных движений. Такое опосредствование — в духе творчества Волошина, стремившегося к глубинному осмыслению путей России. Так были написаны «Дметриус-император», «Протопоп Аввакум», «Стенькин суд». Они начертаны мрачными сильными красками и во многом напоминают суриковские картины не только колоритом, но и беспощадностью образов. Кстати говоря, Суриков являлся одним из чтимых Волошиным художников, и как раз его памяти посвящен «Протопоп Аввакум».

В частном письме Максимилиан Волошин так говорит о своем восприятии тогдашних событий: «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали. Я их ожидал давно и в формах еще более жестоких. Напротив: я почувствовал себя очень приспособленным к условиям революционного бытия и действия. Принципы коммунистической экономики как нельзя лучше отвечали моему отвращению к заработной плате и к купле-продаже». Конечно, последние слова сказаны художником-бессребреником, для которого ограничительная продовольственная политика «военного коммунизма» оказалась далеко не страшной, но первая часть высказывания тоже достаточно красноре-

чива, хотя и нуждается в комментариях. Никаких оснований не верить Волошину у нас нет. Помня о том, что революцию он не понял и оценки событий у него бывали ошибочными, следует также учитывать, что такое непонимание и такие оценки, к сожалению, были распространенным явлением среди русской интеллигенции тех лет. Только та ее часть, которая шла вплотную за Лениным, оказалась свободной от подобных заблуждений. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что поэт жил на периферии бушующего мира, вдалеке от революционных центров — Москвы и Петрограда.

Но непонимание причин и целей революции не отодвинуло Волошина в ряды ее противников. Несмотря на свои идейные колебания, поэт не пошел по пути многих друзей и соратников, связавших судьбу с белогвардейщиной.

Имущественные претензии помещиков и капиталистов отвергались им целиком. Ни разу у него не возникла мысль оставить родину и уйти в эмиграцию. Между тем ряд писателей и художников решили этот первостепенный вопрос по-другому. Среди них, как известно, были крупные имена.

Максимилиана Волошина никогда не оставляла вера в свою страну и в свой народ. Россия ему кажется легендарной неопалимой купиною (так и назван большой цикл его стихов), горящей не сгорая. Поэта справедливо восхищает то, что жаркие пламена охватывают тех, кто пытается ее погасить.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат.
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение — смерть.

(«Неопалимая купина»)

В реальном крымском бытии большим моральным подспорьем для Волошина была дружба с писателем В. В. Вересаевым и профессором Марксом, людьми прочной советской ориентации. Нам памятливы благородные поступки поэта в ту пору. В его доме скрывались коммунисты-подпольщики, он ходатайствовал и добивался освобождения людей, заподозренных в большевизме, с энтузиазмом поддерживал начинания Советской власти, когда она утверждалась в Крыму.

Волошинская Киммерия в эти годы расплескивается до размеров Дикого Поля — причерноморской степи, где веками сталкивались

разноязыкие народы, где извечно бушевала вольница, где всегда реяла бунтарская стихия. Максимилиан Волошин чувствует себя неотделимым от России, от ее великого народа. Стремление разделить их судьбы было оценено рабоче-крестьянской властью. Логика истории вела и привела к тому, что Волошина в это время воспринимали не только как русского, но и как советского поэта. Весьма характерно, что в начале 1921 года одно из его стихотворений получает первую премию газеты «Красный Крым». А тогда, по горячим следам только что окончившейся беспощадной схватки, особенно внимательно присматривались к людям. Волошина этой премией выделили среди других интеллигентов. Руководители партии и правительства заботливо и бережно отнеслись к поэту и его дому в Коктебеле, проявляли интерес к судьбе Волошина. Об этом свидетельствуют охранные грамоты, подписанные М. И. Калининым и А. В. Луначарским, а также вызовы Волошина на заседания коллегии Наркомпроса и прижизненные выставки акварелей поэта-художника в Москве и Ленинграде.

Стихи 1917–1919 годов Волошин объединил под названием «Пути России». Это были напряженные поиски поэтом своего места в России в те времена, когда она стала Советской Россией.

Окончилась гражданская война, страна вступила в пору мирного развития. Волошинский дом снова распахнул двери старым и новым знакомым. В нем перебивали в свое время М. Горький, А. Толстой, В. Брюсов, А. Белый, М. Цветаева, И. Эренбург, В. Вересаев, А. Грин, О. Мандельштам и многие другие прозаики, поэты, художники, ученые. Теперь комнаты и террасы опять были наполнены наезжавшими гостями. Парк, насаженный матерью поэта, давно разросся, и на его дорожках читали стихи уже другие поэты. Хозяин дома благожелательно выслушивал строки своих друзей, читал собственные стихи. В первые годы после гражданской войны Максимилиан Волошин активно печатался в советских газетах, журналах, альманахах. Его произведения встречались вполне доброжелательно. Но в 1923 году стихи Волошина подверглись тенденциозной критике в журнале «На посту». В целях дискредитации поэта в его стихах на исторические темы напостовцы искали прямых аналогий современным событиям, обвиняли автора во враждебном отношении к революционной действительности. Волошин попробовал возразить им в «Красной нови», но получил повторный резкий удар. Сектантская импровизация была воспринята Волошиным в крымском далеке как официальное мнение. Он замкнулся в себе. Стихи его перестали появляться в печати.

Наиболее значительным произведением, созданным Максимилианом Волошиным в последние его годы, явился «Дом поэта». Поэтический рисунок этого большого стихотворения, написанного классическим

пятистопным ямбом, строг и прост, повествование разворачивается медлительно и торжественно, как свиток древней летописи. Это — итог жизни поэта и одновременно его завещание.

Стихотворение открывается строками, приглашающими путника войти в Дом поэта.

<...>

Далее следуют строки, чрезвычайно важные для определения позиции поэта в «недавние трагические годы», под которыми подразумевалась гражданская война:

В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер,
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять...

Нет необходимости объяснять, что ничему помешать Волошин не мог. Ожесточенная классовая борьба, вылившаяся в формы гражданской войны, опрокидывала «общечеловеческие» схемы, превращала в мираж абстрактный гуманизм, определявший сознание и владевший сердцем поэта. Миротворчество Волошина в России, расколотой надвое, не имело никакой почвы. Белый офицер тоже верил в Россию, но она не совмещалась с Россией красного комиссара. Заводчик Путилов и рабочий Путиловского завода не хотели, да и не могли найти общий язык.

Стремление занять миротворческую позицию между двумя лагерями определялось и объяснялось положением поэта, стоявшего вне прочных социальных связей, не обладавшего знанием закономерностей исторического развития общества. Но в ходе событий Волошин все отчетливее понимал, что русский народ, от которого поэт ни в коем случае не хотел себя отделить, бесповоротно встал на сторону Советской власти. И когда дело дошло до последнего выбора — оставаться со своим народом на своей, советской, земле или уйти в белую эмиграцию за рубеж, Волошин принял единственно верное решение. Он остался в Коктебеле и, как известно, приветствовал вступление красных войск в Крым.

Личное благородство поэта никогда и никем не подвергалось сомнению. Советская власть не вменила ему в вину благодушие, с которым он относился к ее противникам.

Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар —
Нечаянный, — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.

Мятущийся и заблуждающийся сын, но сын русской, а теперь советской земли!

И вот снова текут дни поэта в Доме поэта.

Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы...

Как будто все по-прежнему, как было, но одна тревожная мысль не дает ему покоя:

И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я — не изгой, а пасынок России...

Эти строки создавались в 1925–1926 годах, и тяжелое настроение, вызванное напостовским разгромом, продолжало владеть Волошиным. Литературные сектанты настойчиво представляли его изгоем. Защищаясь мысленно от подобных обвинений, Волошин печально объявил себя пасынком России, хотя, конечно, хотел быть и был прямым ее сыном.

Стихотворение-исповедь заканчивается обращением к читателю, полным спокойной мудрости. Это одни из лучших написанных Максимилианом Волошиным строк:

Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистоим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Таково это стихотворение, вобравшее в себя многие раздумья и заблуждения поэта, рисующее его сложный духовный облик.

В тетради Волошина появляется скорбная запись, сделанная его рукой: «1930 год был бесплоден, 1929 закончился тяжелой болезнью. 9 декабря у меня был удар, после которого я не мог работать. Удар не большой, но сказался на руке... Теперь уже 31-й год, почти полтора года не было написано ни строки».

11 августа 1932 года Максимилиана Волошина не стало. Поэт погребен на месте его давнего привала на пути из Феодосии в Коктебель.

* * *

Подведем черту и спросим, что ценно для нас в поэзии Максимилиана Волошина? Ценно все, что в его стихах смогло донести до нас грозное дыхание времен войн и революций и сохранить для нас нравственную и художественную красоту. Ценно все, что говорит о любви к народу, к России, которую поэт увидел и признал Советской Россией. Ценно все, что прекрасно воплотилось в его стихах, — киммерийские степи, горы и море. Большая часть стихов Максимилиана Волошина отвечает этому высокому критерию.

* * *

Без поэзии Максимилиана Волошина будет неполным представление о русской поэзии начала XX века и, скажем больше, о советской поэзии первых лет революции. Ибо поэт, разделивший в тяжелые годы гражданской войны судьбу своего народа и своей страны, искренно вставший на сторону Советской власти, скончавшийся на родном, а не на чужом берегу, может и должен быть включен в широкое русло советской поэзии со всем многообразием ее талантов.

<1977>

